

Сказки – то, что учит детей и взрослых в интересной форме. Каждый должен прочесть произведение Солдат и царица. Это – повествование, которое никого не оставит равнодушным.

Здесь история гласит о том, как некая владычица была жесткой, дерзкой натурой. Она приказала наказывать одного солдата рукоприкладством. А затем сама стала жертвой собственных указов.

Данный рассказ учит быть добрым, вежливым и отзывчивым. Не желать и не делать зла другим, даже если в руках человека огромная власть. А также говорит о том, чем могут обернуться необдуманные поступки.

Помогает развить мышление и пополнить словарный запас.

***

Жила-была в старину сердитая царица. Все ей было не по нраву. И это не так, и это не по ней, на всех она в обиде. С утра до вечера пороли, драли, лупили и повинных и неповинных — всех, кто царице не угодил, а угодить ей никто не мог. Так уж и в обычай вошло. Особливо доставалось тем, кто царице был близок. Сенные, дворцовые ее девушки, слуги коридорные, белые и черные мужики, кучера и портнихи каждое утро от вчерашних розог и палок чесались, а к нынешним готовились.

Вот гуляет однажды царица по саду, а солдат возле будки на часах стоит. Увидел солдат царицу — никогда ее не видел. «Ишь ты!» — подумал и ухмыльнулся. Не знал солдат — внове стоял при дворце, — что пред царицей ни ухмыльнуться нельзя, ни нахмуриться, ни умильным быть: все одно царица нравом кипела.

Глянула царица на солдата:

— Ты чего ухмыляешься?

А простой солдат чего скажет царице? Ничего он сказать не мог и невзначай или так, спроста, что ль, опять ухмыльнулся. Тут царица сперва и слова сказать не могла от злости. Потом кликнула кого надо.

— Давать, — приказывает, — этому солдату по двадцать палок каждый день с утра.

С тех пор с утра, как встанет, получает солдат двадцать палок.

Били-били солдата, целый год били. Как проснется — так двадцать палок, хоть в будни, хоть в праздники.

Измучился, исхудал солдат, бить его не во что стало. А царица и забыла про него: пусть бьют до смерти; она теперь на других сердает.

Что тут делать солдату? Не миновать ему смерти от палок, забьют его. Солдат у того, у другого спрашивает — выбирает, кто поумней считается. А умные ему в один ответ:

— Терпи, — говорят. — Чего с царицей сделаешь, она сердитая.

Солдат выслушал умных, а сам подумал: «Эх, не вам терпеть, а мне!» — и пошел к дураку.

При войске у них дурак жил, его солдаты с кухни кормили и выношенную одежду давали ему донашивать.

Солдат сказал дураку, как ему живется, а дурак и сам уж знал.

— Эх, да не поможешь ты мне! — сказал солдат. — Ты ведь дурак.

А дурак захохотал:

— Как так не помогу! А не помогу, так и зла не сделаю, ты при своем останешься. Дай мне копейку!

Дал ему солдат копейку. Повел дурак солдата на край города. Шли они, шли, далеко ушли; кругом их бедные домишки стоят, дворцов давно нету.

«Эх, — думает солдат, — далече мы зашли, пропала моя копейка!»

Пришли они в бедный домишко. Жил там сапожник с женой. У сапожника была жена, сходственная с царицей, как родная сестра: поставь ее рядом с царицей, их и отличить нельзя, которая царица, которая сапожница.

За показ жены сапожник брал по копейке с человека — с купца там, с мастерового, с приказчика, а солдатам и калекам показывал даром. А деньги пропивал.

Заплатил дурак копейку сапожнику, а солдат, конечно, даром прошел. Вошли они в комнату и видят — на кровати женщина лежит и спит. Солдат дрогнул и во фронт стал: вылитая была перед ним царица.

Дурак и говорит:

— Вот была бы она царицей, она бы тебя палкой не била.

Солдат согласен с дураком:

— Не была бы. Жалко, что она сапожница: из нее бы царица хорошая вышла.

Дурак засмеялся:

— А выйдет, — говорит, — из нее царица!

Солдат обнадежился:

— А как выйдет-то?

Дурак захохотал в ответ, а солдат увел его прочь, а то сапожница проснется.

Идут они обратно.

Дурак спрашивает у солдата:

— Ты где ночью на карауле стоишь?

— Нынче во дворце, в покоях, буду стоять.

— Вот чего, — дурак ему: — я тебе ночью сапожницу приволоку.

— Это к чему же? А сапожник услышит!

— Нету, — дурак отвечает. — Сапожник ничего не услышит. Он днем наработается, потом вина напьется и спит крепко: на нем кривые гвозди выпрямляй — он не чует.

— А к чему мне сапожница?

— Эх ты какой! А говорят — я дурак! Царица-то заснет, ты мне и давай ее сонную, а я тебе на руки — сонную сапожницу. Царицу я унесу к сапожнику, а ты сапожницу в царские покои отнеси, покуда она не проснулась.

Солдат подумал.

— А не страховито ли будет? При царице и моргнуть нельзя, а ты ее к сапожнику унесешь? А вдруг проснется, дознается, да она нам голову прочь!

А дурак думает иное:

— Царица целый день злится, с утра до вечера умается, а ночью спит-храпит, пузыри изо рта пускает. До своего времени она не проснется. А если дознается, так я в дураках хожу — какой с меня спрос!

Солдат согласился:

— Ишь ты, обдумал как! А сам дурак! Так ладно будет, пожалуй. Тащи уж по темноте сапожницу во дворец. За ночь дурак так и сделал: сапожницу в царские покои принес, а царицу отнес к сапожнику — они и не проснулись.

А как наступило утро, проснулся первым сапожник и толкнул жену в бок. Ему и воды испить захотелось, голова у него болит: пусть жена ему воды подаст, и в утешенье что-нибудь скажет.

Царица проснулась, открыла глаза, не поняла ничего и опять заснула.

Сапожник ее опять в бок: ты что, дескать, иль не слышишь?

— Подымайся, баба! — сапожник говорит. — Пора.

Царица опять открыла глаза.

— Чего пора? — спрашивает. — Ты кто такой?

А сапожник ей:

— А ты кто такая?

Царица как закричит:

— Ах ты негодный! Ах ты окаянный! Да ведь я царица!

Сапожник как соскочит с кровати:

— Ах, так ты царица!

Схватил сапожничий ремень, шпандырь, и давай царицу пороть-охаживать:

— Ах, так ты царица? Так тебе и надо, царице! Ишь ты лодырь, ишь ты, негодница! Только спать здорова. Я тебе дам — царица! Я тебе дам — как мужу своему не угождать!

Царица как крикнет:

— Эй, кто там! Забить этого негодяя насмерть!

А никто не идет — нету никого. Царица и думает: «Что такое? Видно, я померла и в ад попала — так это, верно, черт».

Подумала так и опять заснула: может, опять-де проснусь во дворце, в своем царстве, и ничего этого не будет;

это мне снится.

Ан нет, черт-сапожник ремень положил да опять кулаком ее в бок:

— Баба, чего не встаешь?

— Отвяжись от меня, я царица!

— Как так — ты опять царица? — говорит сапожник — и сызнава царицу хлоп да хлоп, — злой был человек.

— Подымайся, тебе говорят! Картошку вари, самовар ставь, комнату убирай, портки мне заштопай. Ишь ты, притворщица!

Оробела царица — опять ее этот черт бить да хлопать будет. А больно ей ведь — ей больнее всех: до того она боли-то и не знала. Поднялась она, приделась в платье сапожницы и стала работать по дому. Однако за что ни возьмется, ничего у нее не выходит, из рук все валится. Оно так и быть должно: царица-то сердчать да царствовать привыкла, только всего.

Сапожник видит — дело у нее не идет, и опять хлоп да хлоп ее.

Царица уж молчит и не говорит, что она царица, а сама работать старается.

Вот сготовила она кое-как обед, а его и есть нельзя: недоварено, пересолено, нечисто.

Съел сапожник одну ложку щей и говорит:

— Ты и правда, должно, царица: ничего делать не умеешь. Таких щей и псы не едят.

И снова за свое: хлоп ее — за плохие, значит, щи.

Царица совсем оробела. Сидит она перед сапожником и трясется от страха.

После обеда сапожник лег в кровать:

— Возьми гребень, жена, расчеши мне голову, а я дремать буду.

Стала царица голову сапожнику чесать; что ж делать-то, послушаться нельзя.

А на другой день велел ей сапожник белье стирать.

Стирает белье царица; сроду она не стирала, все белые руки свои стерла, исстирала, а белье не выбелила.

Так и жила царица у сапожника — жила да мучилась; три дня жила.

А сапожница как проснулась в царицыной постели, огляделась кругом, видит — приятно везде. На кровати перины, одеванья шелковые и ковровые, зеркала светятся, горница вся прибрана, и цветами пахнет.

«Аль я в раю? — подумала сапожница. — Век того не видала, что вижу».

Тут вошли в спальную горницу четыре горничные девушки. Вошли они, а подойти к царице боятся.

— Вам чего надо? — спрашивает их сапожница.

Девушки ей отвечают:

— Здравствуй, матушка царица! А мы тебя одевать, обувать пришли.

Сапожница им:

— А я сама оденусь. Иль я калека!

А девушки стоят, не уходят.

Сапожница глядит на них:

— Чего ж вы стоите? Неужели дела у вас нету, бездельницы!

А девушки глядят на табуретку у кровати, а на табуретке палка лежит и плетка.

— А бить-то нас будешь когда, матушка? — спросили девушки. — Теперь иль после?

— Да за что ж вас бить? Вам больно будет!

— А за то, матушка царица, что вам сердчать надо!

Тут и сапожница рассерчала:

— Дуры вы, что ли? Идите прочь, да делом займитесь!

Девушки ушли. А сапожница поднялась, оделась, пошла на кухню и там чаю с бубликами напилась. На кухне повара и кухарки обращаются к сапожнице со страхом и почтением, сахару подают сколько хочешь, каждый думает, что она царица.

«Чего это, — думает, — царица я, что ль? Знать, и правда царица. Ну что ж, и царицей теперь побуду, сапожницей-то успею. Пусть мужик мой по мне поскучает! Царицей-то оно и легче быть».

Вот живет она царицей и день и два. С утра до вечера позади царицы вельможа ходит, все ее приказы и

желанья пишет и исполняет. Царица уж привыкла к тому вельможе: кто ни обратится к ней с просьбой или с чем, она только укажет:

— Скажи заднему, он исполнит, — и далее идет.

Идет она и семечки грызет, а семечки для нее вельможа в горсти держит и руку наотлет вытянул.

В тот час наш солдат у деревянной будки стоял. Видит он — идет, гуляет сапожница-царица. А солдата по-прежнему палками бьют, и нынче били с утра.

Глянул солдат на сапожницу-царицу, хотел суровое выражение на лице сделать — и ухмыльнулся.

Сапожница-царица и обращается к нему:

— Ты чего ухмыляешься? Мне, что ль, обрадовался?

Солдат ей в ответ:

— Тебе, матушка!

— А чего радуешься? Я тебе добра не сделала. Чего ты хочешь?

— А того хочу, матушка, пусть меня палками не бьют. Второй год с утра спозаранку колотят, мясо с костей стерли.

— За что ж тебя?

— За ухмылку, матушка.

— Ну, скажи заднему, пусть тебя не бьют.

— Нет уж, матушка, — солдат сапожнице-царице говорит, — заднему я говорить не буду: ты передняя, ты сама упомни и прикажи.

Царица остановилась около солдата:

— Ишь ты, какой въедливый! Ладно уж, я сама прикажу и бумагу напишу, — не будут тебя бить.

— И других прочих, матушка, пусть не бьют!

— Аль многих тут бьют?

— Да почитай что почти всех, матушка, колотят. Истерлись люди при дворце, а все терпят.

— Дураки они, что ль? — спрашивает сапожница-царица.

— Не могу знать, матушка!

В тот же день сапожница-царица дала повеление, чтоб никого в ее царстве не били и не смели даже касаться палкой человека. А солдатам велела дать по двадцать пять рублей каждому, а сверх того по три дня гулянья и по полведра пива.

На третий день своего царствования сапожница соскучилась по сапожнику. «Пойду, — думает, — погляжу издали, как он там. Небось горюет по мне».

Собралась царица и пошла из дворца к домишку сапожника, а за ней и вельможа идет.

Вот идет она, царица, видит свой бедный домишко.

А из ворот того домишка как раз ее сапожник выходит, и не один, как следовало бы, а с другою дородною женщиной, что не хуже самой сапожницы, и на лице у сапожника горя нету.

Тут как вскрикнет сапожница-царица:

— Ах ты бессовестный, ах ты такой-сякой! — да хватъ сапожника по затылку, с того и картуз соскочил.

А сапожник никак не опомнится: глядит он и на ту женщину, и на эту, обе они на вид одинаковые, а которая жена — не разберет. Только когда сапожница по спине его еще разок хлопнула, сапожник понял, которая его жена.

Взяла сапожница мужа за руку и повела домой, а про царство свое забыла.

А царица скрипнула зубами на вельможу и тоже домой пошла, во дворец.

Как явилась она во дворец и узнала, что бить теперь, драть, пороть и лупить никого нельзя, отмена вышла, и будто сама она так повелела, — закипело злобой сердце царицы.

Позвала она кого ни на есть, — чтоб ударить кого было, — явилась кухарка, подняла на нее царица руку, да видит вдруг: рука-то ее, царицина, истерана, работой истерта, и опустила она свою руку, никого не ударила.

Вспомнила она, как жила у сапожника: как бы опять ей в жены к нему не попасть, и оставила царица волю сапожницы как есть.

И солдат с дураком довольны остались. А только этой царице веры нет и не будет.